

## Дни испытаний

Смирнова (Искандер) Александра Васильевна в 1917 году закончила Высшие женские Бестужевские курсы, одновременно с учебой на курсах она посещала занятия Театральной студии В. Э. Мейерхольда. С 1918 года работала актрисой, а также режиссером в Киеве (Театр имени Шевченко, Театр имени Франко), Донбассе. Ставила спектакли и в Ленинграде. С 1941 по 1947 год А. В. Смирнова была художественным руководителем Ленгосэстрады. Здесь как режиссер она работает и в настоящее время.





Однажды белой весенней ночью 1941 года мы с мужем — режиссером Алексеем Максимовичем Смирновым — возвращались домой пешком с Васильевского острова. Надо ли говорить, что тихий, спокойно спящий Ленинград был прекрасен. Неожиданно мы заговорили о войне, — весь мир уже был охвачен ее пламенем. Мне стало страшно за судьбы людей, за эту удивительную красоту.

А когда война пришла на нашу землю — страха не было. На него просто не оставалось времени: дни были заполнены ежечасной работой, требующей постоянного нервного и физического напряжения. Я оставила театр и все силы отдавала теперь Ленгосэстраде. С первых же дней, при помощи городской военно-шефской комиссии, мы стали формировать артистические бригады для обслуживания Ленинградского фронта. А затем начались поиски нового репертуара, хотя в первые два месяца пришлось довольствоваться старым. Примечательно, что артисты Ленгосэстрады, обычно ревниво оберегавшие свой индивидуальный материал, в первые же дни войны представили его всем актерам Ленинграда. Энергично начали работать над новыми номерами наши эстрадные авторы — Волженин, Воинов, Горбатов, Арт, Гузынин. Эти «организационные» дни я вспоминаю как непрерывное движение: походы к авторам, комплектование бригад, бесконечные репетиции, а в перерывах — оборонные работы: рытье щелей в скверах и парках, забота о достаточном количестве песка на чердаках...

Отчетливо помню день, когда суета отошла в сторону, — 20 августа 1941 года мы поехали на передовую. Не было в Ленинграде артиста, деятеля искусств, который не задавал бы себе вопроса: «А кому сейчас нужны мы и наше творчество?» В конце концов для каждого наступал момент, когда этот вопрос становился абсурдным. Мне повезло — я поняла это на первом же нашем фронтовом концерте.

Выступали мы в лесу, эстрадой служил тщательно замаскированный грузовик. А вокруг расположились бойцы: кто на самодельных скамейках, кто на бревнах, а кто просто стоял, прислонившись к дереву. Все в полном боевом снаряжении. Особенно горячо принималось выступление Николая Александровича Персиянинова — одного из лучших эстрадных чтецов, назначенного бригадиром этого маленького актерского коллектива. Дружным смехом были встречены рассказы Василия Васильевича Зотова. Репертуар у него был, правда, довоенный, но мастерство чтеца и юмор поднимали настроение. Концерт прошел очень хорошо, хоть аплодисментов и не было, — враг находился совсем рядом. Трудно объяснить, по каким признакам я почувствовала изменение настроения аудитории после концерта, но ощущала я его чрезвычайно остро — изменилось выражение

глаз, атмосфера общения стала более дружеской, расстояние между нами и зрителями сократилось.

В конце августа эвакуировались многие театры. Мы остались — не хотелось покидать город. Мой муж стал работать в мастерских Кировского завода, расположенных в городской черте. Мастерские изготавливали щипцы для захвата зажигательных бомб, ломы, железные печки-временки и другие необходимые для военного быта вещи. До сих пор слышу, как муж и артист Степан Андреевич Гудзенко, возвращаясь с работы, поют:

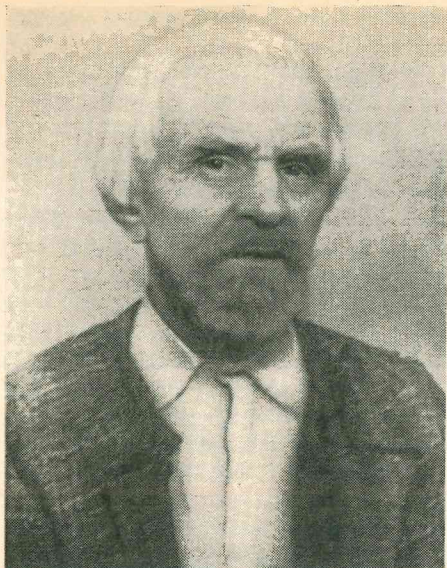
Мы — кузнецы,  
И дух наш молод...

Они не уставали восхищаться четырнадцати-пятнадцатилетними подростками, пришедшими на завод на смену своим отцам и братьям, их рабочей смекалкой, ловкостью, выдержкой. И с глубокой болью взрослых мужчин, не сумевших защитить детей, смотрели они, как эти подростки гибнут один за другим от дистрофии с началом блокады...

Все чаще и чаще выступали мы в госпиталях, — их количество увеличивалось. Вспоминается концерт в госпитале, расположенном в гостинице напротив Московского вокзала. Концерт проходил в ресторанном зале, на настоящей эстраде. Вел программу Михаил Михайлович Волжский — опытный конферансье, умело подававший номера. Концерт шел «на едином дыхании». Особым успехом пользовался номер танцора-«лапотника», семидесятидвухлетнего П. П. Павлова. Когда по ходу номера требовалась «дама», Павлову помогала частушечница Р. Г. Родэ. Раненые аплодировали, требовали повторения, кричали: «Отец родной, еще!»

При Ленинградском Доме писателей имени Маяковского был открыт после начала войны агитпункт. В его задачи входила политико-агитационная и культурная работа среди населения Куйбышевского района. Заведовал агитпунктом Федор Антонович Быков — старый большевик, в 1917 году бывший начальником гарнизона Смольного, работавший с В. И. Лениным. Я счастлива, что судьба столкнула меня с этим человеком — всю войну мне довелось быть его заместителем по агитпункту. В концертах наших для населения участвовали главным образом артисты Пушкинского общества, созданного задолго до войны для пропаганды русской литературы, иногда — Ленгосэстрады. Выступали мы в течение почти двух лет в бомбоубежищах. Особое значение такие наши походы приобрели с сентября 1941 года, — бомбежки усилились, длились иногда с небольшими перерывами в течение суток-двух.





Старейший артист Ленгосэстрады танцор-«лапотник» Петр Петрович Павлов.

Однажды мы с артисткой Верой Викторовной Яблонской пришли в бомбоубежище на улице Жуковского. Во дворе стояла толпа женщин, в перерывах между бомбежками они получали дрова. Любая очередь, даже в мирное время, — организм в высшей степени неспокойный. А здесь приближались холода. Мы вошли в слабо освещенное бомбоубежище. Народу мало, лица усталые, кое-кто бросает на нас исподлобья недружелюбные взгляды. Сыро, зябко, но мы разделись и начали литературный концерт. Для начала я рассказала о свежих газетных сообщениях, о том, как борются сейчас мужья и сыновья этих женщин, чтобы не пустить врага в Ленинград.

Шум во дворе затих, женщины, подростки вернулись в убежище. Вера Викторовна начала читать отрывки из дневника Марины Расковой. Слушать стали внимательнее. А когда она кончила, посыпались просьбы прочесть еще что-нибудь. Теперь уже все приблизились к нам вплотную. И тогда Яблонская стала читать Пушкина. Женщины откинули платки, пригладили волосы. Гений Пушкина и мастерство актрисы растопили лед отчуждения, как теперь говорят, неконтактности. И опять просили наши слушатели читать, и опять, не скупясь, Вера Викторовна читала Пушкина, а затем рассказы Чехова, которые она исполняла особенно хорошо. Забыты были война, дрова, не та-

кой страшной показалась начавшаяся бомбежка. И когда мы прощались, дружеские, потеплевшие голоса звали нас приходить почаще.

Направления на «объекты» нам давали в райкоме партии. Как-то днем нас послали в бомбоубежище на Литейном проспекте, и мы сразу почувствовали, что нам предстоит трудное дело. Бомбоубежище захлавлено, на полу вода. Вокруг — ветхие железные кровати, скамейки, искалеченные стулья. С потолка свисает тусклая электрическая лампочка. Не обошлось и без криков. «На что нам концерт! Лучше бы еды принесли!» — кричала какая-то женщина. Другие ее не поддержали, но и не останавливали. И все-таки мы начали. Я, как всегда, рассказала о положении на фронтах, прочла статью из «Правды». А потом В. В. Боровик сняла шубу, шапку, боты и оказалась в концертном платье и лакированных туфлях. В холодном, сыром бомбоубежище это произвело впечатление. Вера читала много. Поначалу женщины сидели по углам, а переднюю скамейку заняли мальчишки. Потом взрослые вытеснили мальчишек, придвинули ближе стулья и кровати. Началась бомбежка, и, пока она не прекратилась, Вера все продолжала читать... В убежище спустился управхоз. На него покосились, но промолчали. А когда концерт кончился, мы стали свидетелями жаркой словесной перепалки. Женщины ругали управхоза за грязь в убежище, за плохую подготовленность к зиме, а управхоз корил их, просил помочь. Завершилось все любовным договором — общими силами навести порядок. Мы считали, покидая «объект», что наши голоса тоже сыграли свою роль... В тот день, вернувшись с концерта, В. В. Боровик нашла вместо своего жилища развалины — угол дома был срезан бомбой, а ее дядя, спустившийся с пятого этажа в дворницкую, погиб под обломками...

По нарядам агитпункта Дома писателей выступали артисты ленинградских театров. Иногда концерт давала бригада, куда входили артисты драмы — заслуженный артист РСФСР Е. П. Студенцов и Н. М. Железнова, народный артист Армянской, Грузинской и Азербайджанской ССР В. К. Папазян, певица В. В. Рейх; мастера художественного слова В. В. Яблонская, Н. А. Голубенцев, певица Н. В. Ковалевская, артистка эстрады А. П. Рассказова, пианист К. Ф. Гринасюк и другие. Настоящие, по всем правилам составленные концерты обязывали людей заботиться о помещениях, где эти концерты устраивались. Особенно мне запомнилось бомбоубежище на улице Воинова. Там жильцы побелили стены и потолок, починили скамейки и постелили на них пестрые украинские дорожки. И даже снесли из какой-то квартиры пианино. Такое отношение к нам трогало, обязывало работать еще лучше. И конечно, мы гордились тем, что были в некотором



роде причиной созданного в убежищах «комфорта», — это шло на пользу прежде всего подолгу живущим там людям.

К ноябрю положение в городе стало очень тяжелым. Именно в те дни мы решили с мужем вступить в ряды ВКП(б) — он у себя в мастерских, а я в Ленгосэстраде. 7 ноября муж говорил в выступлении по радио, что сейчас считает своим долгом быть на производстве, помогать общему рабочему подвигу трудового Ленинграда. А когда мы победим — а мы обязательно победим! — он вернется к творческой работе. Потом я узнала, что эту передачу транслировали по всему Советскому Союзу, ее слушали и наши друзья-артисты — москвичи и киевляне. Для них, слушавших Ленинград в далекой Средней Азии, это было весточкой, приветом непокоренного города, призывом к труду и подвигу.

Я 6 ноября дежурила в агитпункте Дома писателей. Был там в этот вечер и Федор Антонович Быков. Всю ночь под аккомпанемент бомбежки Федор Антонович рассказывал мне о своих встречах с В. И. Лениным. Эта ночь навсегда сохранилась в моей памяти, и в самые критические моменты блокады я часто вспоминала о ней.

В середине ноября меня назначили художественным руководителем Ленгосэстрады. Сил становилось все меньше, но заботы не позволяли сдаваться. Для проверки работы наших бригад мне приходилось ходить по всему городу: в Дом флота на Васильевском острове, в Дом Красной Армии на Литейном проспекте, на улицу Желябова в Театр эстрады, куда переехала наша организация. Честно говоря, тяжелые это были годы. Но меня всегда поддерживала мысль, что, вернувшись в Театр эстрады, я согреюсь, найду кипятилок, увижу друзей.

Директор Ленгосэстрады — Людмила Сигизмундовна Лебель вместе со своим мужем Федором Антоновичем Быковым поселилась в одной из артистических убогих театров. Она и Варта Христофоровна Клэн — председатель месткома — утеплили бомбоубежище, помогли переселиться туда особенно ослабевшим артистам, добились для них дополнительного питания (соевое молоко, дрожжевой суп, хвойный отвар). В марте они настояли на стационарном лечении с повышенным питанием многих эстрадных актеров.

От постоянных бомбежек здание Театра эстрады сильно пострадало. Через поврежденную крышу снег падал прямо на сцену, лестницы, ведущие в зрительный зал, превратились в ледяные горы. Лебель вместе со своим небольшим административным штатом всячески старалась сохранить здание: освещая помещение факелом, они скалывали лед, убрали обломки, а когда началась весна, предотвращали «потоп». Им всегда помогал Ф. А. Быков.

Несмотря на тяжелые условия, репетиции продолжались. Артисты оригинальных жанров — жонглеры, фокусники, акробаты тренировались ежедневно, пренебрегая холодом и сыпавшимся в проломы снегом. Грустно было наблюдать за актерами, работавшими с животными. Я помню репетицию номера с собачками. Как старалась подкармливать их дрессировщица, отдавая своим подопечным почти весь скудный паек! Конечно, уберечь их она не смогла.

Чтецы и вокалисты старались пополнить репертуар. Стоило кому-нибудь заполучить новый материал, он тут же распространялся среди актеров. Это были стихи Симонова, статьи Эренбурга, а позже — рассказы Алексея Толстого, Ванды Василевской, Довженко. Созданная в блокаду поэма Тихонова «Киров с нами» получила в наших концертах «постоянную прописку». Для вокалистов создавали песни композиторы-ленинградцы Будашкин, Кочуров, Носов, Соловьев-Седой, Матвеев...

Примечательно, что строгая требовательность к своему творчеству не снизилась, а возросла. Об этом неоднократно говорили деятели искусств блокированного города. Например, академик Б. В. Асафьев, в самое лютое время 1942 года, признавался: «Это было какое-то потрясение. Я поймал тему, которая не давалась мне десять лет». Член-корреспондент Академии наук А. В. Осовский говорил, что никогда он не работал с таким вдохновением, как в зиму 1941/42 года. Он завершил тогда свои новые изыскания в области славянской музыки.

Однажды в бомбоубежище Дома Красной Армии замечательный артист театра и кино Ф. М. Никитин прочитал мне свою новую пьесу, в которой стремился вскрыть чудовищную сущность фашизма. К осени 1942 года К. А. Гузынин написал пьесу «Белые ночи», которую я вскоре поставила. Всю зиму 1942 года мы исполняли ее в Кронштадте, на фортах Балтики. Много раз мы обсуждали с моим другом писательницей Е. М. Шереметьевой ее пьесу и вели беседы о задачах советской драматургии.

Тяга к своей профессии, к искусству была неиссякаема. Помню, в феврале к нам пришел приехавший с фронта соученик моей дочери по школе Сергей Флеер. Он повидался с нами, а потом отправился к себе домой, на улицу Каляева, где жили его отец и сестра. Дом лежал в развалинах. С улицы были видны рассыпавшиеся книги огромной отцовской библиотеки. Отец и сестра погибли. К вечеру он вернулся к нам, отдал паек, бережно сохраняемый для родных, и всю ночь, сначала при коптилке, а потом в полной темноте, читал стихи. Это были стихи военных поэтов, больше всего Симонова, — некоторые из них мы записали. Читал он и свои стихи. Утром Сережа Флеер уехал на фронт, чтобы никогда не вернуться...



Много лет я работала в театре с художником Валентином Николаевичем Шкляевым. И вот узнала, что он лежит с тяжелой дистрофией в стационаре Военно-Морской академии, против Витебского вокзала. Я пошла навестить его, понесла немного махорки и что-то из продуктов. Он очень обрадовался мне, почти не обратил внимания на принесенное, и тут же стал показывать чертежи арок, которые, по его мысли, необходимо будет поставить в городе для встречи воинов-победителей. Он советовался, где лучше поставить эти арки, как их украсить, какого масштаба они должны быть. Вскоре Валентин Николаевич скончался. И брат, который присутствовал при его кончине, рассказывал, что, умирая, Валентин Николаевич говорил об арке Победы.

Самые трудные дни пришлось на период с середины декабря 1941 до середины марта 1942 года. Повсюду царил холод, воды не было. На улицах хозяйничала метель. По бесконечным сугробам Невского, чаще всего к Марсову полю, люди везли на санках покойников. Редко в гробах. В большинстве случаев зашитыми в одеяла, простыни, перевязанными веревками. То здесь, то там горели дома — по многу суток, торжественными факелами: тушить их не было сил.

5 января 1942 года скончался мой муж. Горе мое и моих дочерей живо по сей день. Не могу без слез вспоминать, каким вниманием окружили нас товарищи. Л. С. Лебель разрешила отодрать театральные декораций несколько досок, а выбивающиеся из сил артисты скотили из них гроб и принесли его к нам на квартиру. Тогда это был подвиг. Я, мои дочери Анна и Алена, сестра мужа Анна Максимовна и ее сын впряглись в санки и потащились на Волково кладбище. Нам помогал дворник дядя Леша, — без его помощи мы не смогли бы поставить гроб на санки, а тем более проделать далекий путь до кладбища. Вернулись мы совершенно измотанные горем, дорогой, метелью, сильным морозом. Дома нас ждали «поминки» — теплая комната, хлеб, горячий чай, о котором позаботилась наша домработница Нюша.

Через несколько дней, 11 или 12 января, мы выступали в госпитале, разместившемся в здании Госбанка на Садовой улице. Запомнился мне не сам концерт, а то, что за ним последовало: мы ушли вечером, а ночью в госпиталь попала бомба. Здание пострадало мало, но склады, сараи были совершенно разрушены. Убило лошадей. Утром сестра мужа Анна Максимовна, работавшая в этом госпитале, принесла мешочек овса. Не преувеличивая скажу: этот овес спас нам жизнь, дал возможность дотерпеть до того момента, когда норма хлеба была увеличена. Помог нам выжить и подарок, выдан-

Композитор В. Арманд (слева) и исполнительница музыкальных фельетонов, пародий и басен заслуженная артистка РСФСР А. С. Егорова.



ный в феврале Домом Красной Армии. Я была так слаба, что не могла нести небольшой пакет. И тут опять пришел на помощь друг, артист оперетты Евгений Дмитриевич Михайлов. Он погрузил оба наши пакета на саночки и помог мне добраться до дома.

Я рассказываю обо всем этом для того, чтобы людям, не пережившим блокаду, стало ясно — только так, выручая друг друга, помогая друг другу, мы выстояли. И смогли не прерывать работу. А когда пришла весна, у нас хватило сил убрать город, предотвратить эпидемию.

22 апреля в Доме писателей отмечали годовщину со дня рождения В. И. Ленина. Собрались так, как собираются близкие люди, отмечающие свой семейный праздник. Говорили, читали стихи, делились творческими планами. Запомнились стихи О. Берггольц и Е. Вечтомовой.

В мае художественная жизнь Ленинграда заметно оживилась. В зале камерной музыки (теперь там помещается Кукольный театр имени Е. Деммени) начались сольные концерты. Состоялись литературный вечер В. В. Яблонской, концерты певицы В. Я. Меркуловой и пианиста профессора А. Д. Каменского, профессора М. А. Бихтера, М. Т. Дулова, балалаечника-виртуоза Б. С. Трояновского. В Большом зале Филармонии прошли концерты мастера эстрады А. С. Егоровой (успех ее разделяла постоянный аккомпаниатор композитор Вера



Арманд), народной артистки РСФСР С. П. Преображенской, заслуженного артиста РСФСР И. А. Нечаева, заслуженных артисток республики Н. Л. Вельтер, О. Г. Иордан и других.

С наступлением теплых дней мы смогли вновь наладить регулярные репетиции в Театре эстрады. Правда, сцена для этого долго еще была непригодна. Вся работа театра сосредоточилась в большом вестибюле и раздевалке. Потом, осенью и зимой, мы поставили там печки-временки и уже до конца войны ни на один день не прекращали репетиций, смотров, комплектования программ. Артисты все время готовили новый репертуар, а мы помогали им его пополнять. Для педагогической помощи вокалистам были привлечены Л. А. Андреева-Дельмас и В. А. Павловская-Боровик. В. В. Яблонская стала режиссировать работы чтецов, а с танцорами занималась балетмейстер Е. М. Вислоцкая.

Руководство Ленгосэстрады пополняло наши ряды молодыми силами. К весне 1943 года из ансамбля Дома Красной Армии пришел на эстраду певец Леонид Кострица, а из Консерватории — пианистка Кира Пашкевич. Интересную программу предложили Г. Орлов и В. Кудрин. Тогда же появился у нас А. Блехман — конферансье и Эрик Шатов — жонглер.

Несмотря на бомбежки и обстрелы, количество концертов в Ленинграде все увеличивалось. Артисты выступали в Домах культуры, в госпиталях, выезжали на фронт, в Кронштадт. Я по-прежнему выступала по нарядам Дзержинского райкома ВКП(б). Чаще всего мы ходили втроем: Ф. А. Быков и Л. П. Парвиайнен (жена большевика Э. А. Рахьи) рассказывали о своих встречах с В. И. Лениным, а я читала рассказы о вожде.

Не приходится говорить, с какой радостью мы встретили прорыв блокады. Теперь Ленинград уже был связан со всей страной. Это удесятерило наши силы, число концертов еще более увеличилось.

Надо сказать, что коллектив Ленгосэстрады был в те годы очень сплоченным, дружным. Все заботились друг о друге. Этому во многом способствовал артист Александр Александрович Виноградов, бывший в то время секретарем партийной организации.

Наиболее ярким проявлением нашей дружбы был праздник, который мы устроили себе 1 мая 1943 года в ресторане гостиницы «Москва».

Артист Донат Лузанов, взяв за основу «Горе от ума» Грибоедова, написал сатирическую пародию на нашу эстрадную жизнь. Весело, легко играли актеры в этом представлении-капустнике. Досталось всем, начиная от директора, но не было среди нас ни одного обидевшегося, настолько все было талантливо и смешно. Певцы тоже

отличились: в сопровождении джаза они пели пародии на мотивы популярных песен. Веселье длилось до утра. В буфете был чай и ви-негрет, конечно, на наши продовольственные карточки.

Весной 1943 года в Ленинград вернулся Большой драматический театр имени Горького, и летом мы смогли открыть эстрадную площадку в Саду отдыха: без этого пополнения у нас бы не хватило артистов, чтобы регулярно проводить там концерты. Помню, как волновалась Елена Маврикиевна Грановская, впервые выступая перед ленинградцами-блокадниками. Часто полную вечернюю программу на этой эстраде занимал молодежный танцевальный коллектив под руководством А. Е. Обранта. Их выступления отличались свежестью, оригинальностью, задором.

Осенью 1943 года репертуар Ленгосэстрады пополнился новыми скетчами, сценками, танцевальными номерами. Пришел заведовать литературной частью Е. Мин, появились и новые режиссеры — М. К. Вейсбрем, Н. П. Рашевская. И все-таки репертуар поджимал. Наконец директор ВГКО И. Е. Бортнянский, побывавший в Ленинграде, разрешил Л. С. Лебель выехать в Москву для поисков нового репертуара. После ее возвращения поехала в Москву и я. Никогда не забуду промороженного декабрьскими стужами, пустынного вокзала. У платформы стоял одинокий затемненный поезд. Царила особая, ни с чем несравнимая тишина, никак не вяжущаяся с понятием «вокзал». Провожающие говорили тихо, приглушенными голосами. Ехали мы через Тихвин, очень медленно, а какой-то отрезок пути просто «на ощупь».

27 января друзья-москвичи поздравляли меня с окончательным снятием блокады. Я почувствовала тогда, как вся страна любит Ленинград и гордится им.

Мне вспоминаются слова К. Симонова: «Никогда так хорошо и точно не узнаешь человека, как во фронтовой обстановке». Ленинград был фронтом долгие девятьсот дней. И в эти дни ленинградцы доказали всему миру свое мужество, терпение, верность заветам революции. Они были настоящими людьми.